

©2023 А.А. СЫЧЕВ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ МОРАЛЬНОГО СТРЕССА

Сычев Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Российская Федерация, Республика Мордовия, 430005 Саранск, ул. Большевикская, д. 68. Ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского индустриального университета. Российская Федерация, 625000 Тюмень, ул. Володарского, д. 38.
ORCID: 0000-0003-3757-4457
sychevaa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена моральному стрессу, который понимается как совокупность эмоциональных реакций на вызовы, угрожающие целостности системы нравственных норм и ценностей, а также как состояние, возникающее в результате такого воздействия. Индивидуальные измерения морального стресса раскрываются в обзоре концептов морального дистресса и моральной травмы. На примере «моральной эластичности» проанализированы подходы к преодолению морального стресса, которые предполагают изменение отношения субъекта к факторам стресса. Показано, что эти подходы выступают закономерными проявлениями терапевтического поворота в культуре. Отмечается усиление влияния стрессовых факторов на жизнь общества. Если в прошлом проявления морального стресса были чрезвычайными и персонифицированными, то в современности они приобретают привычный характер и коллективное измерение. Причина этого — увеличивающийся разрыв между разнонаправленными системами ценностей, в центре одной из которых находится достижение индивидуального благополучия, а второй — эффективное регулирование социального целого. С одной стороны, увеличение этого разрыва связано с расширением пространства индивидуальной свободы, с другой — с чрезвычайными условиями борьбы с терроризмом,

пандемией и т.д., практика регуляции которых требует ограничения личных прав. Прослеживается несколько коллективных стратегий избавления от морального стресса. Стратегии приспособления обозначены как морализация и интеллектуализация. Третья стратегия, предполагающая отстаивание индивидуального благополучия, выражена в виде явлений, ассоциируемых с «новой этикой». Делается вывод, что для преодоления морального стресса необходима рациональная стратегия отстаивания убеждений, направленная не только на внутренние, но и на структурные изменения. Для этого предлагается дополнить психологическую трактовку индивидуального морального стресса широкими междисциплинарными обобщениям по поводу его социальных причин и коллективных проявлений.

Ключевые слова: моральный стресс, моральный дистресс, моральная травма, моральная эластичность, терапевтический поворот, коллективная травма, социальный стресс, новая этика.

Ссылка для цитирования: Сычев А.А. Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса // Человек. 2023. Т. 34, № 4. С. 170–180. DOI: 10.31857/S023620070027359-1

А.А. Сычев
Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса

Моральный стресс можно определить как совокупность эмоциональных реакций на вызовы, испытывающие на прочность систему нравственных норм и ценностей, а также как состояние, представляющее собой результат такого воздействия. Как правило, моральный стресс сопровождается соответствующими нравственными чувствами (стыда, вина, гнева), а результатом его воздействия является нарушение целостности нравственного сознания.

Применительно к предмету исследования мораль (нравственность) понимается в самом общем плане как система норм и ценностей, которая «утверждает ценность блага другого человека, других людей, социума» [Апресян, 2014: 80]. Соответственно, моральный стресс возникает в тех случаях, когда исполнение долга по отношению к другим (в силу требований политической целесообразности, экономической эффективности и т.д.) оказывается невозможным.

Вопросы причин и последствий морального стресса в современных гуманитарных науках концептуализированы в различных понятиях. Наиболее подробная их разработка представлена в концепциях морального дистресса (moral distress) и моральной травмы (moral injury).

Обзор исследований, посвященных этим проявлениям морального стресса на индивидуальном уровне, а также способам их преодоления, составляет задачу первой части статьи. Задачей второй ее части является анализ морального стресса в контексте сопутствующих явлений современной культуры («терапевтический поворот», «новая этика»), а также с учетом тенденций, выводящих стресс на коллективный уровень. Соответственно, общей целью исследования является раскрытие как индивидуальных, так и коллективных измерений морального стресса в условиях современного общества.

Моральный дистресс

Понятие *морального дистресса* было предложено в середине 1980-х годов в работах философа Эндрю Джеймтона, посвященных этическим проблемам практики ухода за больными. Такое состояние, по мнению Джеймтона, возникает в морально значимых ситуациях, когда субъект знает, что он должен делать, но не имеет возможности совершать правильные поступки из-за внешних лимитирующих факторов. В качестве таковых могут выступать корпоративные правила, ограничивающие автономию; широко распространенные неморальные практики, воспринимаемые в качестве нормы; отсутствие административной поддержки и ограниченность

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

должностных полномочий; недостаток необходимых для решения проблемы ресурсов (человеческих, материальных, временных, образовательных) и т.д.

Джеймстон определяет специфику морального дистресса, сравнивая его с моральной неуверенностью и моральной дилеммой. В первом случае моральная проблема и/или правильные действия по ее решению четко не определены, во втором проблема определена, но неизвестно, какие именно действия следует предпринять. Наконец в случае морального дистресса четко определены и проблема, и действия, но сама возможность действовать оказывается заблокированной [Jameston, 1984].

Моральный дистресс развивается в тех случаях, когда субъект осознает, что в попытке выполнить свой моральный долг перед пациентом он потерпел неудачу. Фрустрация проявляется в переживаниях бессилия, беспомощности, беспокойства, тревоги, раздражения, недовольства, на фоне которых формируются и усугубляются нравственные чувства вины, страха, негодования. С последствиями морального дистресса ассоциируется широкий спектр негативных явлений, в списках которых обычно фигурируют посттравматический синдром, эмоциональное выгорание, неспособность поддерживать долгосрочные отношения, суицидальные настроения [Frezza, 2021: 23].

Джеймстон различает инициальный и реактивный моральный дистресс. В первом случае чувство недовольства возникает в ситуации столкновения с внешними препятствиями, блокирующими действия. Реактивный дистресс возникает из-за отсутствия реальных действий по преодолению этих препятствий. В некоторых работах последний обозначается как моральный осадок (*moral residue*) [Webster, 2000: 218].

Моральный дистресс также можно типологизировать в зависимости от характера действия (или бездействия) субъекта: в одном случае стресс является следствием аморальных поступков самого субъекта, а в другом субъект является свидетелем таких поступков со стороны других, но не может ничего предпринять, чтобы остановить их. Как правило, характер дистресса отражается на эмоциональном фоне: в инициальном дистрессе или в случае, когда субъект является свидетелем действий других, на чувство вины накладывается чувство негодования.

Понятие морального дистресса, первоначально возникшее для описания специфического опыта, связанного с уходом за больными, со временем вышло за первоначальные границы и было распространено и на лечебное дело, фармакологию, психологию, социальную работу, преподавание и другие формы профессиональной деятельности, в которых этические соображения играют важную, иногда конституирующую роль [Jones-Bonofiglio, 2020: 8].

Моральная травма

Другая сторона морального стресса, то есть психическое состояние, возникающее в результате воздействия негативных факторов, изучается под названием *моральной травмы*. Этот термин был предложен в 1994 году американским психиатром Джонатаном Шаем на основе анализа интервью с ветеранами военных действий и обобщения описаний их состояний. В книге «Ахилл во Вьетнаме» он пишет, что «моральная травма является неотъемлемой частью любой боевой травмы, которая приводит к пожизненным психологическим проблемам. Ветераны после возвращения к гражданской жизни обычно могут оправиться от ужаса, страха и тоски лишь в том случае, если “то, что правильно” не было попорно» [Shay, 1994: 20].

Моральная травма — это нарушение целостности нравственного сознания, возникшее ввиду «совершения, неспособности предотвратить, наблюдения или выявления действий, которые противоречат глубоко укоренившимся моральным убеждениям и ожиданиям» [Litz, 2009: 697]. Такие действия могут включать

в себя, например, преступные или несправедливые приказы командования, убийство солдат противника или гражданского населения, неспособность предотвратить гибель сослуживцев.

Шай определяет три основных условия возникновения моральной травмы. Во-первых, совершается действие, которое воспринимается как предательство того, что субъект считает правильным. Во-вторых, это действие совершается по приказу и с ведома представителей легитимной власти (например, в случае вооруженного конфликта — военного командования). В-третьих, у ситуации имеются серьезные морально значимые последствия [Shay, 2014]. Если травма связана с несправедливыми приказами, с действиями, которые воспринимаются как предательство интересов обычных людей (сослуживцев, союзников, народа), она сопровождается чувствами гнева, негодования, направленными на представителей власти. Если она связана с выполнением аморальных действий самим субъектом или его аморальным бездействием, к этому примешиваются чувства вины и стыда.

Одной из важных предпосылок возникновения моральной травмы, по мнению Шая, является сужение временного и морального горизонтов в экстремальной ситуации военных действий. Требования выполнения боевых задач и стремление остаться при этом в живых заставляют солдат отбросить все планы на будущее и абстрагироваться от соображений, прямо не связанных с практическим достижением текущих целей [Shay, 1994: 23]. Нередко и после боя солдат продолжает пребывать в состоянии морального оцепенения, поскольку выход из него требует трезвой оценки своих действий и принятия на себя груза ответственности за них.

Боевые действия — это типичная ситуация, которая провоцирует моральные травмы уже в силу того, что разрыв между моралистическими декларациями и требованиями целесообразности, оправдывающей средства, здесь наиболее широк. Американское общество особенно четко осознало это во время вьетнамской кампании. Ветеран этой войны Тим О'Брайен в книге «Что они несли с собой» пишет: «Настоящая история о войне никогда не бывает моральной. Она не предписывает, не формирует добродетель, не предлагает образцов должного человеческого поведения, не удерживает человека от поступков, которые обычно совершаются в этих условиях. Если такая история кажется вам моральной, не верьте ей» [O'Brien, 1990: 73].

Однако деятельность, травмирующая нравственное сознание индивида, не исчерпывается событиями на театре военных действий. После книги Шая объектами исследования становились не только ветераны войн, но и представители других профессий, вынужденные совершать или терпеть действия, противоречащие их моральным убеждениям: полицейские, медицинские работники и т.д. [Griffin, 2019: 350]. Хотя сами ситуации, с которыми сталкиваются, к примеру, врачи могут выглядеть не таким драматичными, как проблемы, возникающие перед солдатами, последствия моральных травм первых оказываются для их нравственного сознания не менее разрушительными. Если негативное влияние войны на сознание очевидно и лечение душевных травм солдата сегодня воспринимается как норма, то результатом обращения врача за такой помощью может стать стигматизация и потеря работы [Frezza, 2021: 23]. В итоге для врача моральная травма может оказаться более серьезной проблемой, чем для ветерана.

А.А. Сычев

Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса

Преодоление морального стресса

Моральный дистресс и моральная травма — это тесно связанные друг с другом понятия, различия между которыми обусловлены спецификой и задачами первоначальных исследований. Первое возникло для описания дезадаптивной реакции на каждодневные проблемы, с которыми сталкиваются профессионалы, ухаживающие за больными, второе — для обозначения серьезных психологических

сбоев, возникших в экстремальных ситуациях военных действий. Если дистресс обычно представляет собой реакцию на кумулятивное воздействие негативных факторов, то травма — это результат серьезного потрясения. Их приблизительно «физическими» аналогами можно считать крайнее истощение организма и нанесенное ему повреждение.

Соответственно, моральный дистресс понимается как комплекс негативных реакций организма на неблагоприятные факторы, блокирующие возможность моральных действий. Его противоположностью можно считать моральный эустресс — совокупность реакций, мобилизующих организм и позволяющих дать адекватный ответ на моральный вызов.

Моральная травма — это серьезное повреждение нравственного сознания, которое нарушает его нормальное функционирование. Его противоположностью является состояние целостности нравственного сознания. Если для избавления от дистресса нужно ослабить неблагоприятные факторы или изменить отношение к ним, то избавление от травмы предполагает также возвращение к изначальной целостности, психотерапевтическое «исцеление».

Несмотря на эти различия, смысловые поля понятий морального дистресса и моральной травмы взаимно пересекаются: одно явление предполагает другое, и в эмпирических исследованиях, как правило, они изучаются в комплексе [Moral distress, 2021]. Соответственно, меры по устранению их последствий также являются комплексными. В целом, как показывает обзор исследований по проблеме, они направлены на изменение отношения субъекта к стрессовым факторам.

Так, А.Е. Сериков исходит из того, что «в условиях стресса отдельные люди могут, хотя это и непросто, научиться не впадать в панику или ярость, излишне не тревожиться, не бороться с собой, оставаться спокойным не только внешне, но и внутри» [Сериков, 2015: 28]. Соответственно, условием преодоления стресса, по его мнению, является развитие равновесия и самообладания (теоретические основания для этого автор находит в этике стоицизма и даосизма).

В имеющейся литературе описываются разные подходы к преодолению морального стресса, предполагающие различные варианты психотерапии (коллективную, когнитивно-поведенческую, терапию сострадания и т.д.), основанные на «проведении практик осознанности, обучении персонала методам, способствующим регулированию эмоций, снижению депрессии и тревоги» [Кадыров, 2021: 442]. Так, предлагается объяснять дезориентированному человеку, с чем именно он сталкивается; формировать сети взаимопомощи, где человек мог бы выговориться без риска стигматизации; создавать возможность для получения квалифицированных советов у психолога; планировать этапы саморазвития с опорой на имеющиеся научные разработки. Эти меры в совокупности должны облегчить синдромы и привести жертву моральной травмы и дистресса в состояние целостности и согласия с собой.

Типична в этом отношении позиция Д.И. Ноздрачева, который фактически противопоставляет «реалистический» психотерапевтический подход «идеалистическому» этическому. Он пишет: «В ситуации, когда воплощение высоких этических стандартов невозможно по не зависящим от специалистов причинам, ориентация на них становится дезадаптивной. В таких случаях полезно искать реалистичные пути оказать пациенту помощь» [Ноздрачев, 2022: 158].

В психологической литературе наблюдается тенденция к обобщению рекомендаций подобного рода, результатом чего явилось представление о сочетании качеств личности, позволяющих ей наиболее успешно противостоять стрессовым состояниям. Эти качества концептуализируются в понятии «моральная эластичность» (moral resilience), где эластичность понимается как устойчивость,

упругость, возможность быстро вернуться от деформированного состояния к нормальному. В наиболее общем смысле это способность объекта «реагировать на возмущения, предвидеть и поглощать их, сопротивляться им, адаптироваться к ним и восстанавливаться после них» [Carlson, 2012: 17].

Психологическая эластичность, в свою очередь, представляет собой «способность придавать жизни смысл, даже такой жизни, которая нередко бывает болезненной или абсурдной, мужество жить полноценно, несмотря на боль и ощущение бесполезности всех предпринимаемых усилий» [Bartone, 2006: 137]. Соответственно, моральная эластичность — это такая психологическая устойчивость, которая касается моральных характеристик человеческого опыта, учитывает сложность нравственных отношений и обязанностей и является ответом на вызовы морального стресса [Rushton, 2016]. Она предполагает способность индивида адаптироваться к стрессу, сопротивляться негативным факторам и оперативно восстанавливать состояние целостности, нарушенное травмирующими событиями. Концепция эластичности представляет эталонный подход к преодолению морального стресса, в который непротиворечиво вписывается большая часть конкретных мер, предлагаемых исследователями. В целом эта концепция является закономерным проявлением общей тенденции повышения роли индивида, психологии и эмоций в культуре, известной как «терапевтический поворот».

Моральный стресс в контексте «терапевтического поворота»

В фокусе внимания терапевтической культуры — индивид, стремящийся к своему благу. Понимание блага в философии морали и психотерапии не совпадает. Если нормативная этика представляет человеку высокий нравственный идеал, задавая его в качестве должного, то психотерапия предлагает человеку ставить перед собой реалистичные задачи. Если идеал требует от человека чрезмерных усилий, то в тщетных попытках его достижения он все острее будет ощущать свою моральную ущербность, а значит, испытывать постоянный моральный стресс. Психотерапия, помимо прочего, призвана избавить человека от этой отравляющей жизнь вины за невозможность достичь недостижимого. Иными словами, нормативно-этическая задача достижения общего блага в психологии заменяется более реалистичной и приземленной задачей достижения личного благополучия.

Стрессы и травмы в терапевтической картине мира особенно значимы, поскольку они являются основными препятствиями на пути к этому благополучию. Их преодоление требует от индивида действий, которые вписываются в стандартную схему психотерапевтического лечения: сперва осознание и рационализация причин травматических событий (нередко уходящих корнями в далекое прошлое), изменение отношения к факторам стресса и развитие самообладания, гибкости, стрессоустойчивости как показателей самоактуализации. Все эти действия в разных вариациях описываются в психологической литературе и популяризируются на многочисленных тренингах по управлению стрессом, востребованность которых постоянно растет.

По поводу предлагаемых мер можно сформулировать несколько критических замечаний. Они в конечном счете сводятся к критике терапевтической культуры с этических (прежде всего коммуитарных) и политических (преимущественно неомарксистских) позиций.

Терапевтический подход приравнивает благо к индивидуальному благополучию, что маркирует рождение эмотивистского Я, для которого моральным является лишь то, что совпадает с его субъективными желаниями (развернутая критика этого подхода предложена А. Макинтайром [Макинтайр, 2000]). В итоге вместо общего блага возникает многообразие его субъективных трактовок.

А.А. Сычев

Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса

Признание травм предполагает определенные преференции и компенсации в адрес жертв. Это порождает «обратную дискриминацию», нарушающую равенство возможностей и, по мнению некоторых исследователей, подрывающую социальную справедливость.

Моральный стресс рассматривается как личностная проблема, для преодоления которой не нужно совершать коллективных действий и изменять несправедливое общество: субъекту достаточно «работать над собой», переосмысливая отношение к событиям. Герберт Маркузе выразил свое отрицательное отношение к этому подходу так: «Психоаналитическая терапия пытается вычлнить индивида с тем, чтобы он мог продолжать функционировать как часть больной цивилизации» [Маркузе, 1995: 257].

Коллективное измерение морального стресса

Постоянно расширяется и круг изучаемых лиц. Изначально исследования были направлены на анализ реакций на моральный стресс специалистов по уходу за больными и ветеранов, но позже распространились и на других профессионалов в самых разных областях деятельности.

Конечно, сам факт того, что моральный стресс активно изучается в последние годы, еще не является доказательством того, что он представляет принципиально новую проблему. Так, для объяснения проблематики моральной травмы и морального дистресса активно используются исторические параллели. Дж. Шай, например, разработал свою концепцию на основе анализа «Илиады». Шай усматривает множество параллелей между гневом Ахилла, вызванным действиями полководца, и чувствами ветеранов, потерявших друзей или вынужденных совершать аморальные действия, выполняя некомпетентные или явно преступные,

по их мнению, приказы командования. Столкновение индивидуальных убеждений и государственных (или корпоративных) требований, которое лежит в основании морального дистресса, также не является новой проблемой: в явном виде она была поставлена еще в «Антигоне» Софокла [Гегель, 1978: 267].

Тем не менее, сравнивая предшествующее и современное состояние феномена морального стресса, можно обнаружить и значимые различия, свидетельствующие о появлении качественно новых измерений проблемы.

Гнев Ахилла был вызван принижением его достоинства. Поскольку в эпосе Гомера достоинство измеряется боевыми заслугами, менее заслуженные воины в той же ситуации не были бы задеты действиями Агамемнона. Сегодня, когда все люди признаются от рождения равными в своем достоинстве, ограничение прав касается всех без исключения. Соответственно, реакция на такое ограничение приобретает коллективный характер.

Антигона как выдающийся человек в чрезвычайных обстоятельствах — классический протагонист трагедии. Современные жертвы морального дистресса похожи, скорее, на героев производственного романа. Столкновение личных убеждений и требований государства потеряло накал и пафос. Моральный дистресс вызван уже не «конфликтом высших нравственных сил» (как у Гегеля), а кумулятивным эффектом от каждодневных, привычных действий «маленьких людей», творящих «банальное зло».

Таким образом, те реакции гнева и вины, которые для героев Гомера и Эсхила были глубоко личностными и чрезвычайными, в современности приобрели коллективный и повторяющийся характер. Моральный стресс сегодня — это не столько исключение, сколько новая нормальность, трансформирующая сферу социальных взаимодействий и подспудно разрушающая моральную ткань общества. С этой точки зрения проблему следует анализировать не столько с позиции индивидуальной психологии, сколько в контексте вопросов социального стресса и коллективной травмы [см.: Штомпка, 2001; Смолева, 2020].

Основной причиной возникновения и усиления коллективного морального стресса в современном мире можно считать увеличивающийся разрыв между системой ценностей, в центре которой находятся интересы личности, и системой ценностей, нацеленной на эффективное регулирование коллективных взаимодействий. Увеличение этого разрыва вызвано, с одной стороны, расширением сферы индивидуальных прав и свобод, а с другой — условиями борьбы с чрезвычайными ситуациями (терроризмом, пандемией и т.д.), практика регуляции которых требует ограничения ряда базовых прав. Учитывая, что смысл морали состоит «в сообразовании частных интересов во имя блага индивидов и социума» [Апресян, 2014: 80], все чаще возникают ситуации, в которых согласование разнонаправленных систем ценностей оказывается сложным или вовсе невозможным. В итоге возникает диссонанс между декларируемой защитой прав и свобод человека и повсеместным их ущемлением или между призывами действовать ради общего блага и фактическим продвижением узкогрупповых интересов. Отсутствие возможностей справиться с несправедливостью ведет к коллективному моральному стрессу, приобретающему все более хронические формы.

В такой ситуации можно проследить несколько стратегий избавления от морального стресса. В первом случае происходит морализация того, что ранее воспринималось как аморальное. Морализацию в данном случае можно понимать как психологический защитный механизм, позволяющий оправдать вызывающие беспокойство действия или объявить их морально обязательными [Мак-Вильямс, 2001: 155]. Так, человек в ситуации конфликта способен отбросить нормы, направленные на защиту личных прав человека, возвращаясь к архаичным коллективным ценностям, обеспечивающим выживание рода в условиях

А.А. Сычев

Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

экзистенциальной угрозы. В этом случае жизнь значительно упрощается: благо ассоциируется с целями коллективного целого, несогласные с этими целями деморализуются, право на принятие решений делегируется авторитетной инстанции. В итоге люди консолидируются вокруг лидеров, которым делегируется ответственность за последствия действий, и то, за что человек когда-то испытывал вину, теперь может стать основанием для гордости.

Другим вариантом избавления от стресса является интеллектуализация нравственных чувств, понимаемая здесь как попытка абстрагироваться от вины, стыда, негодования, снизить их влияние на психику и действовать рационально в эмоционально дестабилизирующей ситуации. Современные терапевтические практики, направленные на выработку моральной гибкости и эластичности, как было показано выше, начинаются с объяснения проблемы, то есть с рационализации реакций пациента на стресс. Собственно вся бурно развивающаяся в начале XXI века теория морального стресса есть не что иное, как попытка его интеллектуализации. Очевидные недостатки этого способа защиты заключаются в том, что нравственные чувства здесь трактуются как отклонение от нормы, а породившие их социальные проблемы остаются вне фокуса рассматривания.

Наконец возможен путь, при котором человек решает не защищаться от стресса, а отстаивать свои ценности перед ценностями общества. Для классической культуры — это путь бунтаря, трагической личности. Современность стала беспрецедентной эпохой массового появления личностей, готовых отстаивать свои индивидуальные представления о благе. До определенного времени нельзя было говорить о серьезном влиянии таких индивидов на общество. Множество изолированных субъектов, озабоченных задачами самореализации, по определению не способны совершать консолидированные коллективные действия в защиту своих интересов. Тем не менее развитие сетевого общества позволило и им стать заметной социальной силой.

Массовый бунт индивидуалистов против репрессивной патриархальной морали наиболее ярко представлен в комплексе идей, известном в российском информационном пространстве под наименованием «новой этики» (информационные кампании #Me Too, #Black Lives Matter, различные проявления «культуры отменей» и т.д.). Травма здесь не скрывается и не преодолевается, а, напротив, публично демонстрируется и объявляется основанием для компенсации и предпочтений. От тех, кто стал причиной несправедливости или поддержал ее своим бездействием, ожидают массового признания своей вины. Предполагается, что моральные страдания мучителей должны компенсировать моральную травму их жертв. Те же, кто не готов к компенсации, бойкотируются и изымаются из пространства сетевого взаимодействия.

Тем не менее во всех рассмотренных вариантах избавления от стресса основные изменения не выходят за границы терапевтической культуры. Они происходят внутри сознания субъекта: он пересматривает свои взгляды, учится абстрагироваться от эмоций или пытается извлечь из травмы выгоду. Только в случае «новой этики» изменения ожидаются и от других. Но опять же они должны происходить внутри сознания виновников. Признание вины, несомненно, является важным решением человека, но само по себе оно пока ничего не меняет в общей логике воспроизводства социальной несправедливости.

Стратегии морализации и «новой этики» — примеры преимущественно эмоциональной реакции на моральный стресс, где первая представляет приспособление к ситуации, а вторая — попытку изменить ситуацию в ходе отстаивания своих убеждений. Стратегия интеллектуализации, соответственно, предполагает рациональный вариант приспособления к стрессовой ситуации. Завершить эту схему может четвертая стратегия — рационального изменения ситуации. Применительно к ситуации коллективного морального стресса такая стратегия пока не разработана.

С позиции такой стратегии для того, чтобы преодолеть моральный стресс, необходимо исследовать его социальные причины и инициировать структурные изменения, основанные не на логике противопоставления благополучия индивидов и блага социума, а на этике уважения других. Для этого психологический анализ необходимо дополнить этическими, философскими, социологическими обобщениями. В этом контексте моральный стресс — это не только проблема индивидуальной чувствительности, но и показатель усиливающихся социальных трансформаций, возможно, определяющих будущее культуры.

Individual and Social Dimensions of Moral Stress

Andrey A. Sychev

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy.

National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation.

Leading Researcher of the Research Institute of Applied Ethics of Tyumen Industrial University.

38 Volodarsky Str., Tyumen 625000, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-3757-4457

sychevaa@mail.ru

Abstract. The article is devoted to moral stress, which is understood as a combination of emotional reactions challenging the integrity of a system of moral norms and values, as well as a result of such an impact. Individual dimensions of moral stress are shown on the example of the analysis of the concepts of moral distress and moral injury. Using the concept of “moral resilience” as an example, approaches to overcoming moral stress are analyzed, which involve rationalizing the causes and consequences of traumatic events and changing the subject's attitude to stress factors. It is shown that these approaches manifest the therapeutic turn in culture. There is an increase in the influence of stress factors on modern life. If in the past the manifestations of moral stress were personalized and extreme, in modern times they acquire a habitual character and a collective dimension. The reason for this is the growing gap between the value system, which advocates individual well-being, and the system, aimed at the effective regulation of the social whole. The widening of this gap is associated, on the one hand, with the expansion of the space of individual freedom, on the other hand, with the extraordinary conditions of the fight against terrorism, the pandemic, etc., regulating of which requires the restriction of personal rights. The author proposes several strategies of overcoming moral stress. Defense strategies are labeled as moralization and intellectualization. The third strategy, which involves the support of individual well-being, is realized in the form of the so called “new ethics”. It is concluded that to overcome moral stress, it is necessary to initiate not only internal, but also structural changes. To do this, it is necessary to go beyond the psychological interpretation of individual moral stress to broad interdisciplinary generalizations on its social causes and collective manifestations.

Keywords: moral stress, moral distress, moral trauma, moral elasticity, therapeutic turn, collective trauma, social stress, new ethics.

For citation: Sychev A.A. Individual and Social Dimensions of Moral Stress // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 4. P. 170–180. DOI: 10.31857/S023620070027359-1

Литература/Reference

Апресян Р.Г. К базовому определению морали // *Философский журнал*. 2014. № 1(12). С. 78–91.

Apressyan R.G. K bazovomu opredeleniyu morali [Towards a basic definition of morality]. *Filosofskij zhurnal*. 2014. N 1(12). P. 78–91.

Бадью А. *Этика: Очерк о сознании Зла*. СПб.: Machina, 2006.

Badiou A. *Jetika: Oчерk o soznanii Zla* [Ethics: Essay on the Understanding of Evil]. St.-Petersburg: Machina Publ., 2006.

А.А. Сычев

Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

- Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1978.
- Hegel G.W.F. *Jestetika* [Aesthetics]: in 4 vol. Vol. 4. Moscow: Iskustvo Publ., 1978.
- Кадыров Р.В., Дмитриева О.Б. Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии // Вестник КемГУ. 2021. № 2(86). С. 438–446.
- Kadyrov R.V., Dmitrieva O.B. Moral'naja travma: sovremennye podhody k opredeleniju ponjatija, jetiologii, diagnostike i psihoterapii [Moral injury: modern approaches to the definition of the concept, etiology, diagnostics and psychotherapy]. *Vestnik KemGU*. 2021. N 2(86). P. 438–446.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2001.
- McWilliams N. *Psihoanaliticheskaja diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom processe* [Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process]. Moscow: Klass Publ., 2001.
- Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000.
- MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovanija teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2000.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев: ИСА, 1995.
- Marcuse H. *Jeros i civilizacija* [Eros and Civilization]. Kiev: ISA Publ., 1995.
- Ноздрачев Д.И., Замятин К.А., Мирошниченко М.Д. Моральный дистресс в паллиативной помощи детям: классические проблемы и вызовы пандемии COVID-19 // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 138–158.
- Nozdrachev D.I., Zamjatin K.A., Miroshnichenko M.D. Moral'nyj distress v palliativnoj pomoshhi detjam: klassicheskie problemy i vyzovy pandemii COVID-19 [Moral distress in palliative care for children: classic problems and challenges of the COVID-19 pandemic]. *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 3. P. 138–158.
- Сериков А.Е. Стресс и этика самообладания // *Mixtura verborum*: философский ежегодник. Самара: СГА, 2015. С. 20–39.
- Serikov A.E. Stress i jetika samoobladanija [Stress and the ethics of self-control]. *Mixtura verborum: filosofskij ezhegodnik*. Samara: SGA Publ., 2015. P. 20–39.
- Смолева Е.О. Социальный стресс и стратегии его преодоления: анализ концепций и моделей // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 3. С. 1–13.
- Smoleva E.O. Social'nyj stress i strategii ego preodoleniya: analiz koncepcij i modelej [Social stress and coping strategies: analysis of concepts and models]. *Social'noe prostranstvo*. 2020. Vol. 6, N 3. P. 1–13.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
- Sztompka P. Social'noe izmenenie kak travma (stat'ja pervaja) [Social change as a trauma (article one)]. *Socis*. 2001. N 1. P. 6–16.
- Bartone P. Resilience under military operational stress: can leaders influence hardiness? *Military Psychology*. 2006. Vol. 18. P. 131–148.
- Carlson J., Haffenden R., Bassett G. *Resilience: Theory and Application*. Argonne: Argonne National Library, 2012.
- Frezza E.E. *The moral distress syndrome affecting physicians: how current healthcare is putting doctors and patients at risk*. New York: Routledge, 2021.
- Griffin B.J., Purcell N., Burkman K. Moral Injury: An Integrative Review. *Journal of Traumatic Stress*. 2019. Vol. 32, Iss. 3. P. 350–362.
- Jameton A. *Nursing Practice: The Ethical Issues*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984.
- Jones-Bonofiglio K. *Health Care Ethics through the Lens of Moral Distress*. London: Springer, 2020.
- Litz B.T., Stein N., Delaney E. Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*. 2009. Vol. 29. P. 695–706.
- Moral distress and moral injury — recognising and tackling it for UK doctors*. London: BMA, 2021.
- O'Brien T. *The Things They Carried*. New York: Viking Penguin, 1990.
- Rushton C.H. Moral Resilience: A Capacity for Navigating Moral Distress in Critical Care. *AACN Advanced Critical Care*. 2016. Vol. 27, N 1. P. 111–119.
- Shay J. *Achilles in Vietnam*. New York: Atheneum, 1994.
- Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*. 2014. Vol. 31(2). P. 182–191.
- Webster G., Baylis F.E. Moral residue. *Margin of error: The ethics of mistakes in the practice of medicine*. Hagerstown: University Publishing Group, 2000. P. 217–230.